

го послания [к нам] явились двое беглецов и сказали, что они были дворовой челядью и слугами князя Витовта. И они говорят, что князь Витовт на эту Пасху был на границе с татарским ханом и хотел заключить с ним мир, и уехал оттуда без результата, так что он не заключил никакого мира. Также они говорят, что князь Витовт отдал приказ [о боевой готовности] всем своим людям и землям; и когда придет второй приказ, чтобы они были готовы [выступить в поход], и они намерены отправиться к польскому королю, и намерены далее идти походом сюда, теми дорогами, которыми они ходили ранее. Также я спросил их, каковы отношения между жителями Великого Новгорода и князем Витовтом, и они говорят, что они не вполне согласны [между собой], ибо князь Витовт хотел дать им Лугвеня наместником, но они его не хотели. Этим пусть руководствуется ваша достопочтенная мудрая милость.

Дано в Тильзите, в ближайшее воскресенье после Пятидесятницы.

Комтур Рагнита

На обороте адрес: Достопочтенному великому магистру со всем почтением, день и ночь без промедления, это важно и проч.

О. Б. Бубенок (Киев, Украина)

СВЕДЕНИЯ ЛИТОВСКИХ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ЧЕРКАССЫ И ИХ ДОСТОВЕРНОСТЬ

Территория Среднего Поднепровья длительное время являлась южной границей Великого Княжества Литовского. От ситуации в этом субрегионе значительно зависел ход событий не только на верхнеднепровских землях, но и во всем Великом Княжестве Литовском. Как известно, Среднее Поднепровье окончательно вошло в состав этого государства после событий 1362 г. и его население периодически имело контакты с Крымом

и Северным Кавказом. Именно в данном направлении исследований остается немало белых пятен. Так, до сих пор остаются загадкой время и обстоятельства основания города Черкассы. Причиной этого является фрагментарность информации, содержащейся в письменных источниках позднего Средневековья. Одними из них являются литовские документы. Уместно напомнить распространенное в научной литературе мнение, что делопроизводство в Великом Княжестве Литовском велось преимущественно на западнорусском языке, который также иногда называют «старобелорусским языком». Как известно, в XIV–XV вв. западнорусский письменный язык стал основным языком канцелярии Великого Княжества Литовского, сохранив преобладающие позиции до середины XVII в.¹ Именно на этом языке и были написаны документы, в которых содержится наиболее ранняя информация об основании крепости Черкассы.

Происхождение названия города **Черкассы**, расположенного на правом берегу Днепра, всегда вызывало интерес у историков. Это было связано с тем, что топоним по форме напоминал этноним **черкес** – **черкас**, имеющий отношение к адыгам Северного Кавказа. Однако сложность решения вопроса состояла в том, что в документах название города начало фигурировать лишь в позднее Средневековье. Интерес к данной проблеме был обусловлен еще тем, что в XVI–XVII вв. название **черкасы** использовалось для обозначения украинцев Поднепровья. Именно это и породило в среде исследователей различные мнения.

Приверженцы одной из гипотез верят в связь среднеднепровского топонима **Черкассы** с названием адыгов Северного Кавказа. Основанием для этого стала наиболее ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы, которая содержится в одной из славяноязычных литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г. В люстрации сказано: «*Початокъ Черкасовъ и Канева*. Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ,

¹ *Мойсиенко В. М.* Этноязыковая принадлежность «русской мовы» // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 45–64.

завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгиню ихъ, посадилъ ихъ на Снепороде, а иныхъ на Днѣпре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днѣпре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не прѣстали»². Весьма характерно, что на противоположном от г. Черкас левом берегу Днѣпра на берегу р. Снепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует с. Пятигорцы.

Однако, если учесть, что Гедимин, великий князь литовский, единолично правил с 1316 по 1341 г., то получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну против галицко-волынских князей, одержал ряд побед и в 1322 г. после успешной битвы на реке Ирпень занял Киев с «пригородами». Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкасы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимины на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же в данном случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе — более 200 лет, что позволяет считать его легендой, хотя и не лишенной определенной доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время.

Отметим также, что Гедимин не ходил походом в то время на Крым. Поэтому, учитывая это, сто лет тому назад Л. В. Падалка высказал предположение, что народ «черкасы» и город Черкасы появились в Среднем Поднепровье после крымского похода литовского князя Витовта, а не Гедимины³. Очевидно, исследователь имел в виду поход Витовта в 1426 г., вследствие которого

² АЮЗР. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886. С. 103.

³ Падалка Л. В. Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине. Полтава, 1910. С. 42.

литовский князь не только захватил Крым, но и дошел до г. Сарая на Волге, т. е. он проходил через равнину Северного Кавказа, где рядом проживали «Черкасы пятигорские».

Поэтому не исключено, что записанная в литовской люстрации 1552 г. легенда о переселении Гедимином черкасов из кавказского Пятигорья в Поднепровье может являться заказной фальсификацией, направленной на подтверждение прав литовских князей на города Центральной Украины, к которым относился и г. Черкассы. Однако некоторые детали в люстрации заставляют говорить о том, что такое переселение могло иметь место. Вопрос в том, были ли причастны к этому литовские князья.

Некоторые исследователи склонны больше доверять сообщению Густинской летописи, датированному 1305 г.: «Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы, Путивль, Брянско и Волинь...»⁴. На основании этого А. С. Стрижак без каких-либо сомнений высказался в пользу того, что г. Черкассы был основан до 1305 г.⁵ Однако Густинская летопись была написана лишь в начале XVII в. и, следовательно, хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нем в документе составляет более 300 лет. А это ставит под сомнение данную гипотезу.

Необходимо отметить, что литовская люстрация 1552 г. содержит не самое первое упоминание о крепости Черкассы. Так, одно из наиболее ранних упоминаний о поселении Черкассы содержится в Супрасльской летописи, написанной в первой половине XVI в. и представляющей собой литовскую хронику. Эта летопись состоит из трех частей. Первая из них, озаглавленная «Избрание летописания изложено въкратце», содержит данные общерусского характера. Затем следует отрывок из «Повести временных лет» на 10 строках, и далее без заголовка начинается

⁴ Густинская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 348.

⁵ Стрижак О. С. Звідки назва міста // Українська мова і література в школі. 1968. № 2. С. 83.

часть, посвященная главным образом великому князю Витовту (около 1350–1430 гг.). В этой части для нас особый интерес представляет очень раннее упоминание города Черкассы, которое исследователи обычно датируют 1395 г.: «Тои же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручии, и приеха к нему князь Волидемер. Того жь лета на осен князь виликии Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиригаила. Самь же князь великий Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черькасомь и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божию помощию, великого князя Витовта повелениемь взя Черкасы и Звинигород и возовратися паки ко Киеву»⁶.

Упомянут г. Черкассы и в ярлыке крымского хана Менгли-гирея литовскому князю Сигизмунду, датированном 1506–1507 гг.: «...Браславскую тму со всеми входы и данми з землями и водами; Сокалскую тму со всеми входы и данми и з землями и водами; Звенигород з выходы и з данми и з землями и водами; Черкасы з выходы и з данми и з землями и водами; Хачибиев Маяк з водами и землями»⁷.

Однако более раннее упоминание о крепости «Черкасы» содержится в «Списке русских городов дальних и ближних» – историко-географическом памятнике XIV–XV вв. По мнению исследователя данного источника В. Н. Тихомирова, время возникновения «Списка...» правильное всего относить к концу XIV в. Исследователь считает, что он возник между 1387 и 1392 гг. Древнейший «Список...» помещен в Новгородской Первой летописи младшего извода, переписанной в середине XV в., и сохранился в новгородской рукописи. По наблюдениям В. Н. Тихомирова, «Список городов» в Ермолинской летописи, близкий по времени к Новгородской Первой летописи, также сохранил в передаче названий городов следы новгородского произношения. Новгородские города с особенной полнотой и точностью указаны в списке. Поэтому В. Н. Тихомиров склонен был считать, что и «Список русских городов...» возник в Новгороде.

⁶ Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. М., 1980. С. 65.

⁷ АЗР. Т. II. СПб., 1848 С. 4.

Особый интерес представляет прилагаемый к перечню городов термин «а се польский», который в Новгородской Первой летописи отсутствует, но имеется в Ермолинской. По мнению В. Н. Тихомирова, это название можно считать искажением слов «подольские города». В Списке показано 11 «польских» или подольских городов в следующем порядке: «Каменец, Иловечь, Браславль, Сокоlechъ, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Венича, Скала, Бакота». Из всех «польских» городов местоположение только города Черкасы остается неясным⁸. Однако и это не самое первое упоминание поселения Черкасы.

Наиболее раннее известное современным исследователям упоминание о крепости «Черкасы», а точнее о «воеводе Черкас», содержится в жалованной грамоте литовского аристократа Федора Корнатовича, согласно которой он передавал во владение своему слуге Пашке Васневичу семь сел в Брацлавском повете на Подолье (нын. Винницкая обл. Украины). Грамота датирована 9 августа 1392 г. Упоминание «Черкас» содержится в списке лиц, засвидетельствовавших достоверность грамоты: «А тому всему на утвержденье и на сведомье своего кн(я)зства завесили есмо печать своего кн(я)зства. А на тот лист сведьки: князь(ь) Василей Веницкий и пан Гринько Соколецкий, и Павел Слупица, пан Ходко Чемеревич, пан Немира Бакотьскийи, пан Бедрых Черкасский воевода, пан Печъ, панъ Прокопъ Спалецкий воевода, пан Фронцко подчашыйи»⁹.

Таким образом, мы можем даже не сомневаться в том, что крепость Черкасы на Днепре уже существовала в конце XIV в. Однако точно не известно, когда возникла крепость Черкасы: до прихода литовцев после Синеводской битвы в 1362 г. или уже во время их деятельности в Среднем Поднепровье? Отметим, что Плано Карпини, который в начале 1246 г. побывал здесь, ничего не сообщает о нахождении возле Киева и Канева «Чиркасов»¹⁰. Следовательно, поселение Черкасы могло воз-

⁸ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 229.

⁹ Беларуская даўніна. Минск, 2014. Вып. 1. С. 149–150.

¹⁰ Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов: Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957. С. 67–68.

никнуть на правом берегу Днепра лишь после февраля 1246 г., но до конца XIV в.

Археологические изыскания в районе г. Черкасы позволяют проверить данную версию. Так, проведенные Д. П. Куштаном в 2002 г. раскопки в исторической части г. Черкасы дали довольно интересные результаты относительно начала функционирования посада Черкасского замка. В 2004 г. автор раскопок об этом писал: «Первый горизонт (XIV–XV вв.) отвечает периоду ранней истории города, когда он был в составе Великого Княжества Литовского». Относительно времени прекращения функционирования старейшего слоя Черкасского поселения и замка Д. П. Куштан высказался в пользу того, что это следует связывать с нападением крымских татар во главе с ханом Менгли-Гиреем в 1483 г.¹¹ Однако исследователь так и не уточнил, когда возникли Черкасский замок и посад – в середине или в конце XIV в.?

Кроме того, в 1996 г. С. К. Рець и в 1999 г. Д. П. Куштан исследовали памятники долитовского периода на месте бывшего с. Василица, на окраине современных Черкасс¹². По данным Д. П. Куштана, в 1996 г. «...на песчаном возвышении в пойме Днепра во время разведок был выявлен могильник и поселение XIII–XIV вв. В культурном слое были выявлены фрагменты кружальной посуды и исследовано одно погребение (№ 1)»¹³. Следовательно, поселение на месте города Черкасы могло возникнуть здесь уже в монгольский период, т. е. до 1362 г.

¹¹ Куштан Д. Нові дослідження посаду Черкаського замку // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Київ: Наукова думка, 2004. Вип. 13. С. 19–20.

¹² Рець С. К. Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси. 1996 р. // Науковий Архів Інституту археології НАН України. 1996, С. 24–44; Куштан Д. П. Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. // Науковий Архів Інституту археології НАН України. 2000. С. 9, 35–38.

¹³ Куштан Д. Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV–XVI ст.): матеріали Міжнар. наук. конф., присвяч. 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006. С. 75–77.

Вопрос в том: каковы же были причины создания легенды, записанной в литовской люстрации 1552 г.? Для этого следует выяснить связь черкасов литовской легенды с черкасами Пятигорья на Северном Кавказе. В этом могут помочь данные топонимии и антропонимии.

Есть одно название в Черкассах, которое может указывать на это. Еще в 1967 г. А. С. Стрижак зафиксировал один интересный факт: «Так, в Черкассах на Днестре одна из окраин называется Бешту (сравним с горой Бештау на Северном Кавказе, возле подножия которого раскинулся город Пятигорск, от тюркского *беш* – “пять” и *тау* – “гора”»¹⁴. К сожалению, исследователь не указал источник своей информации. Но, если это правда, то следует вспомнить, что в люстрации от 1552 г. среди большого количества имен местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним «Степанец Пятигорчин»¹⁵. Создается впечатление, что «малороссийские черкасы» называли «пятигорских черкасов» не иначе как «Пятигорцы». Тем не менее следует обратить внимание на аргументы оппонентов, в соответствии с которыми прозвище «Пятигорчин» может указывать лишь на то, что он был родом из села Пятигоры на Киевщине.

Но это село насчитывает лишь 400-летнюю историю. Бывшее название села – *Триножин*. Впервые как *Пятигоры* оно упоминается в документах в 1596 г.¹⁶ А «Степанец Пятигорчин» был упомянут в документе 1552 г. Не было тогда в 1552 г. и села Пятигорцы на левом берегу Днестра на берегах р. Слипород, которая является правым притоком р. Сулы.

Напомним, что в легенде об основании города Черкасы, которая содержится в литовской люстрации, отмечено, что князь Гедимин завоевал «...Черкасы Пятигорское, и приведши Черкасовъ часть с княгиней ихъ, посадилъ ихъ на Снепороте, а иныхъ на Днестре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ

¹⁴ Стрижак А. С. Назва веде до глибин // Молодь України. 27 серпня 1967 р.

¹⁵ АЮЗР. Ч. VII. Т. I. С. 104.

¹⁶ Київська область // Історія міст і сіл УРСР. Київ: Наукова думка, 1971. С. 676.

посадить на Днепрежь в Каневе и сидя Снепородце на Днепре в Каневе...»¹⁷. Несмотря на легендарность сообщения, необходимо не исключать возможность того, что пятигорские черкасы находились и на левом берегу Днепра, откуда они могли заселять правобережье Среднего Поднепровья. Следствием этого и стало появление на берегах р. Слипорода после 1552 г. села, которое носит имя *Пятигорцы*.

В. Ф. Горленко считал, что в литовской люстрации 1552 г., кроме имени «Степанец Пятигорчин», были другие антропонимы, вероятно, кавказского происхождения: Лазука, Горец Тиньснич, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм (Хусейн), Нелистон Старый, Жчалаш, Мишко Теребердеевич и т. п.¹⁸ Однако проведенный анализ позволил выделить еще большее количество таких «подозрительных» антропонимов¹⁹.

Среди немалого количества имен жителей Черкасского и Каневского замков, приведенных в литовских люстрациях 1552 г., следует выделить особо еще один антропоним, который указывает на гидроним Северного Кавказа. Так, среди жителей Каневского замка упомянут «Федко Басанский»²⁰. В связи с этим следует привести наблюдения Дж. Н. Кокова о распространении среди адыгов антропонима *Бахъсэн*, сохраненного до сих пор как фамилия *Бахъсэн-хэ* (*Баксановы*). По мнению исследователя, это родовое название является производным от названия реки *Бахъсэн* (*Баксан*) на Северном Кавказе²¹.

Однако на этом перечень подобных названий отнюдь не является исчерпанным, хотя вполне возможно, что не все предложенные названия могут иметь кавказское происхождение. Кажется, люстрации Каневского и Черкасского замков 1552 г. могут представлять большой интерес для лингвистов-кавказоведов и являться доказательством того, что задолго до середины XVI в. адыгские переселенцы уже были в Среднем Поднепровье.

¹⁷ АЮЗР. Ч. VII. Т. I. С. 103.

¹⁸ Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 105.

¹⁹ АЮЗР. Ч. VII. Т. I. С. 84–105.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 148–149.

Вполне возможно, что записанная в люстрации от 1552 г. легенда об основании города Черкассы может отображать намерение литовского автора объяснить, откуда появились между Черкассами и Каневом на правом берегу Днепра и на левобережье Днепра в бассейне Слипорода черкасы кавказского происхождения. На первый взгляд, мы здесь имеем одного автора. Но смущает то, что летописец эти события датировал временами правления Гедимины – с 1316 по 1341 г.: «яко князь великій Литовскій Гедиминъ». При этом Гедимину он приписал достижения Витовта в 1426 г.: «завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ»²². Таким образом, в первой части этой легенды видим явную конъюнктуру литовского автора, обусловленную сугубо идеологическими соображениями, так как надо было не только доказать права литовцев на крепости Черкассы и Канев, но и показать давность этих событий.

Однако дальнейшая часть легенды уже не напоминает творчество литовских авторов: «...и приведъши Черкасовъ часть с княгиней ихъ...»²³. В данном случае складывается впечатление, что мы имеем дело с местным фольклорным сюжетом, который очень напоминает кавказские легенды о князьях и княгинях. А это значит, что перед нами записанная, но измененная легенда местных жителей о своем происхождении, которая могла иметь до 1552 г. не одну сотню лет, что позволяет считать сообщение более близким к истине, чем рассказы российских историков XVIII – первой половины XIX в. об этих событиях. Для примера можно привести «Повесть временных лет», первые разделы которой представляют записанный народный фольклор. Однако большинство исследователей не отрицают того, что такие сообщения содержат какую-то часть исторической правды.

Исходя из этого, можно считать, что литовская легенда об основании г. Черкассы в Среднем Поднепровье выходцами с Северного Кавказа может иметь под собой историческую основу, несмотря на ряд спорных моментов. В данном случае мы ясно

²² АЮЗР. Ч. VII. Т. I. С. 103.

²³ Там же.

видим одну из попыток объяснить обстоятельства возникновения поселения Черкассы, чье название очень напоминает обозначение для северокавказского народа. Однако со времени основания города и до записи легенды литовским автором прошла не одна сотня лет. Вопрос в том, почему именно в 1552 г. в литовской историографии появилась эта легенда.

Отметим сразу, что середина XVI в. ознаменовалась для народов Восточной Европы, включая Северный Кавказ, весьма сложной политической обстановкой. Тогда на политической карте произошли значительные изменения, связанные с длительными войнами. Одной из них была Ливонская война (1558–1583 гг.), в которую, с одной стороны, оказались втянутыми государства Балтийского региона, в первую очередь Великое Княжество Литовское и Польша, а с другой стороны – окрепнувшее при Иване IV Грозном Московское царство. Эта борьба закончилась для Литвы и Польши подписанием в 1569 г. Люблинской унии, что привело к созданию Речи Посполитой. Именно это объединение способствовало поражению Москвы в Ливонской войне.

Как раз накануне Ливонской войны в 1552 г. в литовской литературе и была записана легенда об основании города Черкассы на Днепре литовскими князьями. Ведь одним из ключевых моментов в противостоянии Великого Княжества Литовского и Московского царства были споры относительно дальнейшей судьбы земель в Верхнем и Среднем Поднепровье. Получается, что литовские историки исторический факт переселения адыгов-черкасов в Поднепровье с Северного Кавказа умышленно исказили и использовали в своих политических интересах. Результатом этого и стала одна из наиболее ранних легенд об основании города Черкассы в Среднем Поднепровье именно одним из литовских князей.

Как видим, литовские документы, составленные на западно-русском языке в XIV–XVI вв., содержат наиболее ранние сведения о существовании крепости Черкассы в Среднем Поднепровье. Исходя из их информации, можно считать, что уже в XIV в. поселение с этим названием было известно жителям Великого Княжества Литовского.